

Мас. 2687₂

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА.

I.

Съ известной точки зрѣнія литературный критикъ можетъ быть названъ существомъ въ высшей степени самоотверженнымъ. Кромѣ факта, явленія, по поводу которыхъ онъ высказывается, онъ имѣетъ дѣло еще съ ихъ субъективной стороной—съ литературнымъ, артистическимъ самолюбіемъ, самолюбіемъ ихъ автора—самымъ жгучимъ и обидчивымъ изъ всѣхъ самолюбій въ мірѣ. Достаточно порою одного рѣзкаго намека, одного неодобрительнаго замѣчанія, какъ обида уже начинаетъ вить себѣ гнѣздо въ сердцѣ задѣтаго и ждетъ лишь случая, чтобы прорваться наружу. Со всѣмъ этимъ надо считаться, со всѣмъ этимъ приходится мириться, такъ какъ другого выхода нѣтъ. Только порою невольно пожалѣешь, что нельзя хвалить всего, но, подумавши, видишь, что хвалить все, значитъ отказаться отъ литературной критики или перейти на низшую ея ступень. Что-бы тамъ ни было, надо вести свою линію и одобрять или не одобрять во имя тѣхъ требованій литературы, которыя ты призналъ насущными и истинными.

Я, напр., очень уважаю талантъ г. Чехова и когда-то былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ его поклонниковъ. Но каждой новою своею вещью г. Чеховъ—имени котораго, кстати сказать, какимъ-то провинціальнымъ мудрецомъ основана уже библиотека—приводитъ меня все въ большее недоумѣніе. Горе даже не въ томъ, что его послѣднія вещи всегда («Аріадна», «Домъ съ мезониномъ») блѣдны и вялы, а въ томъ, что въ нихъ совершенно нѣтъ никакого содержанія. Г. Чеховъ,—вмѣсто прежнихъ, художественно выполненныхъ вещей, вмѣсто прежнихъ яркихъ образовъ неврастениковъ и людей, поставившихъ надъ собою крестъ по тому соображенію, что наша эпоха «проигранная карта»,—даетъ тусклые фотографіи и, что особенно обидно, остается, повидимому, очень доволенъ собою. Не видно, чтобы жизнь тревожила и волновала его, онъ удовлетворяется тѣмъ, что открываетъ свою камеру, изготovitъ негативъ и блѣдный оттискъ послѣдняго предложить читающей публикѣ на томъ только основаніи, что «азъ есмь Чеховъ». Съ такими данными можно очень скоро скатиться внизъ и—какъ ни сильно наше холостство передъ именами, къ которымъ мы привыкли,—есть и ему предѣлъ. Пусть это г. Чеховъ помнитъ.

Некрупное, но удивительно изящное и, если можно такъ выразиться, художественно цѣльное дарованіе г. Короленко одинаково пользуется полнѣйшимъ моимъ уваженіемъ. Но г. Короленко, повидимому, разсори́лся съ беллетристикой, хотя не знаю, серьезно-ли онъ намѣренъ совершенно развестись съ ней. Теперь онъ энергично пишетъ статьи «по вопросамъ общественности», —статьи прекрасныя, полныя гуманныхъ чувствъ и сердечной теплоты, но, именно, такіа, которыя, какъ мнѣ кажется, можетъ написать всякій, привыкшій держать перо въ рукахъ и не забывшій еще, — что онъ есть образъ и подобіе. Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я написанное имъ по мультанскому дѣлу и убѣдился, что ничего специфическаго, принадлежащаго г-ну Короленко, кромѣ подписи здѣсь нѣтъ. Точный, ч...

Скриба
(Е. А. Соловьев)